

Кром М. М.

О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОГО ВОЙСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Вот уже более столетия в науке продолжается дискуссия о численности русской армии в XVI в. Диапазон высказанных в ходе этого обсуждения количественных оценок очень велик: от нескольких десятков тысяч до 200—300 тыс. чел. — в зависимости от того, какие источники кладутся в основу подсчетов.

Большинство историков опирались в своих выводах на описания русского войска, сделанные современниками-иностранцами. Так, С. М. Середонин, основываясь на сообщенных Дж. Флетчером цифрах и сопоставляя их с данными других источников (прежде всего — разрядов), оценил общую численность русских вооруженных сил в конце XVI в. примерно в 110 тыс. чел.¹ Последующие авторы отталкивались обычно от этой итоговой цифры, полученной С. М. Середониным, корректируя ее без какого-либо развернутого обоснования в сторону увеличения: И. А. Коротков, со ссылкой на псковские летописи, пишет о 150-тысячном войске в середине XVI в. и о 300-тысячном — к концу правления Грозного; А. В. Чернов считает возможным говорить об армии в 200 тыс. чел. в первой половине XVI в. (для конца столетия он принимает цифру Середонина: около 110 тыс.); наконец, А. А. Зимин, рассмотрев свидетельства иностранцев о численности русского войска XVI в. и сочтя итоги подсчетов Середонина несколько заниженными, пришел к выводу, что в середине указанного столетия русская армия насчитывала около 150 тыс. чел.² Зарубежные исследователи, напротив, с полным доверием относятся к полученной Середониным цифре, не считая нужным ее увеличивать.³

Другие ученые, не доверяя сведениям нарративных источников, строят свои расчеты на данных разрядных росписей нескольких походов времен Ливонской войны (1563, 1572, 1577 и 1579 гг.), десятен и некоторых других документов. Е. А. Разин считает оценку численности поместной конницы и всего войска в работе С. М. Середонина завышенной; по мнению военного историка,

вся русская армия составляла в XVI в. около 70 тыс. чел. (предел мобилизационных возможностей). «В поход же могло выступить значительно меньше половины этой цифры».⁴

Автор новейшего исследования по интересующему нас вопросу С. М. Каштанов полагает, что численность русского войска едва ли превышала те цифры, которые фигурируют в разрядах ливонских походов 70-х гг. XVI в.: 30—40 тыс. чел., и это — не часть, а «практически вся или почти вся армия XVI в.».⁵ Этой точки зрения, впервые высказанной им в докладе на конференции памяти А. Л. Станиславского в 1991 г., автор придерживается (с небольшими коррективами) и в последующих работах. Так, в статье о демографической ситуации в России XVI в. С. М. Каштанов считает предельной величиной дворянской конницы (включая холопов-послужильцев) 30—35 тыс. чел. для 60-х гг. и 15—20 тыс. — для 70-х. Вся же армия в целом, с учетом служилых татар, казаков и стрельцов, не превышала, по его мнению, 50 тыс. чел.⁶ При этом нужно иметь в виду, что вопрос о численности русского войска представляет интерес не только сам по себе: мобилизационные возможности государства и число его жителей взаимосвязаны, и от той или иной оценки численности армии XVI в. зависит наше представление о том, сколько подданных было, например, у Ивана IV.⁷

Итоги многолетней дискуссии показывают, что обсуждаемая проблема все еще далека от разрешения. Главная трудность заключается в состоянии имеющихся в нашем распоряжении источников. По справедливому замечанию А. А. Зимина, данные разрядов отличаются точностью, но показывают не общую численность русского войска, а состав сил, участвовавших в том или ином походе; свидетельства же иностранцев, наоборот, относятся ко всей армии в целом, однако они далеко не всегда достоверны.⁸ Таким образом, данные, которыми обычно оперируют исследователи, просто несопоставимы. Каков же выход из этого затруднения? С. М. Каштанов, полностью отказавшись от анализа нарративных источников (очевидно, как не заслуживающих доверия), по существу приравнивает всю армию к тем 30—40 тыс. участникам походов 1560—1570-х гг., которые указаны в разрядах. Едва ли, однако, такой подход приближает нас к цели.

Заметим прежде всего, что самый ранний из сохранившихся походных разрядов — полоцкий 1562/63 г. — явно неполон: в нем не указана численность холопов-послужильцев (С. М. Каштанов в 1991 г. высказал смелую гипотезу о том, что их считали вместе с хозяевами⁹) и посохи (если верить псковскому летописцу, посошных людей было 80 900 чел.¹⁰); совсем не упомянуты стрельцы (по летописи — 12 тыс.¹¹). Получается, что под Полоцком зимой 1562/63 г. было значительно больше воинов, чем указано в разряде, и при подсчете никак нельзя игнорировать летописные данные. Правда, разряды ливонских походов 70-х гг. полнее учитывают состав участвовавших в них войск: там указана численность всех групп ратников, включая посоху, однако, как отмечает сам С. М. Каштанов, число детей боярских в этих походах резко сократилось по сравнению с росписью 1562/63 г.¹² И это вполне объяснимо: в 1570-х гг. под влиянием военных тягот и хозяйственного разорения боеспособность дворянского ополчения упала, выросло число «нетчиков», участились случаи дезертирства.¹³ Но в таком случае вряд ли правомерно, как это

делает С. М. Каштанов, принимать реестры конца 1570-х гг. за образец и судить по ним о численности русской армии в течение всего XVI в.

В связи с вышесказанным можно сделать два методических замечания. Первое из них касается хронологии: подсчеты по разным периодам XVI в. должны вестись раздельно, и, в частности, о численности армии первой половины столетия (в относительно благоприятный период жизни страны) нельзя судить по данным последней трети века, когда тяжелый социально-политический и хозяйственный кризис негативно сказался и на состоянии войска. Второе замечание — источниковедческого плана: задача состоит в том, чтобы *корректно* сопоставить сведения нарративных источников (летописей, записок иностранцев и т. д.) о численности русского войска с данными разрядов. Поскольку ни по одному периоду XVI в. у нас нет полной переписи всего войска, то приводимые Р. Ченслором, Дж. Горсеем, Дж. Флетчером и другими иностранцами оценки численности всей русской армии не поддаются прямой проверке. Зато вполне возможно такое сопоставление количественных оценок и разрядных данных применительно к отдельным конкретным походам русских войск. Именно такой путь избран в предлагаемом ниже исследовании: автор попытался собрать и систематизировать все имеющиеся в источниках сведения о численности войск в походах первой половины XVI в., а затем оценить достоверность этих свидетельств, сопоставив их с точно известным из разрядов числом воевод, участвовавших в том или ином походе. При этом я исходил из предположения, что между количеством воевод и численностью рати, находившейся под их командованием, существовала определенная зависимость.

Первый случай, когда указанное сопоставление возможно, относится к знаменитой битве на Ведроше 14 июля 1500 г. Согласно литовской Хронике Быховца, в этом бою участвовало «не больше» 3,5 тыс. литовской конницы, не считая пеших воинов, против 40 тыс. конных «москвичей» (помимо пехоты).¹⁴ Четверть века спустя канцлер Литвы Ольбрахт Гаштольд в послании королеве Боне, напоминая о Ведровской битве, писал, что там 4 тыс. литовцев сражались с 50 тыс. «москвитов».¹⁵ Комментируя известие Хроники Быховца, А. А. Зимин замечает, что «доверять этим цифрам нельзя»; при этом ученый ссылается на показания русских летописей, по одной из которых (Новгородской IV) литовцы потеряли 500 чел. пленными и 5 тыс. — убитыми.¹⁶ Последний аргумент убеждает только в том, что литовцев на Ведроши было несколько больше, чем указано в Хронике, но оснований для того, чтобы опаривать цифру, относящуюся к численности русских войск в той битве, указанное летописное сообщение не дает. Согласно разрядам, в этом походе участвовало 13 великокняжеских воевод во главе с князем Д. В. Щеней и двое служилых князей — Семен Стародубский и Василий Шемячич.¹⁷ К вопросу о достоверности содержащихся в литовских источниках цифр (40 или 50 тыс.) мы сможем обратиться только после того, как сопоставим все подобные оценки численности русских войск в походах того времени с данными разрядов о количестве воевод, принимавших в них участие.

Следующие данные относятся к событиям русско-ливонской войны 1501—1503 гг. В битве на р. Серице (август 1501 г.), согласно ливонской «Прекрасной истории» (Eupne schonne hysthorie) — анонимному сочинению, написан-

ному, вероятно, в конце 1507-го или в 1508 г.,¹⁸ — 80-тысячная ливонская армия нанесла поражение русскому конному войску, насчитывавшему 30—40 тыс. чел.¹⁹ К. В. Базилевич с недоверием отнесся к этому немецкому известию: по его подсчетам, выполненным на основе летописных данных о суточных расходах псковичей (овес, сено и деньги на хлеб) на содержание стоявшего у них летом 1501 г. московского войска, последнее не превышало 5—6 тыс. воинов.²⁰ Выводы К. В. Базилевича были приняты без возражений последующими исследователями.²¹ Дело, однако, в том, что в сообщении Псковской I летописи, на которое ссылается К. В. Базилевич, речь идет только о конных отрядах, прибывших в Псков из других городов (в летописи прямо упоминаются «помещики новгородские» и «тверицы»); именно на них псковичи расходовали по сто зобниц овса и сто стогов сена в день (не считая денег на хлеб и калачи).²² Вполне возможно, что эта дворянская конница, присланная в августе 1501 г. в Псков, действительно насчитывала 5—6 тыс. чел. Однако это было отнюдь не все войско: активную роль в битве на Серице (согласно той же летописи) сыграли сами псковичи во главе со своим наместником князем Б. И. Горбатым; они, конечно, не были учтены в числе тех 5—6 тыс. стоявших на постое войск. Наконец, по разрядам, в том сражении участвовало 14 воевод,²³ т. е. примерно столько же, сколько в победоносной для русского оружия Ведровской битве.

Поздней осенью 1501 г. в Ливонию вторглось русское войско численностью, согласно той же «Прекрасной истории», более 90 тыс. чел.²⁴ Столь большая цифра не могла не вызвать сомнений у историков: Н. А. Казакова считает ее не соответствующей действительности.²⁵ По разрядам, в этом походе участвовало 15 воевод.²⁶

Сильно расходятся немецкие источники в оценке величины русской армии в сражении у озера Смолин в сентябре 1502 г.: Б. Рюссон в своей «Хронике Ливонии», изданной в 1578 г., пишет о 90 тыс. русских, но большего доверия заслуживает некий ливонский комтур, участник той кампании: в его письме говорится о 18-тысячном русском войске.²⁷ Разряды перечисляют 12 воевод в составе этой рати.²⁸

В 1508 г., во время очередной русско-литовской войны, Василий III послал на помощь мятежным князьям Глинским свое войско, численность которого польские хронисты первой трети XVI в. определяют по-разному: Йодок Деций писал о 60 тыс.,²⁹ Бернард Ваповский в памфлете, выпущенном в 1509 г. «на злобу дня», утверждал, будто московский государь отправил М. Глинскому на подмогу 120 тыс. воинов,³⁰ однако впоследствии, работая над Хроникой Польши, Ваповский уменьшил эту цифру вдвое — до 60 тыс.³¹ Наконец, Ст. Гурский написал о 50-тысячном войске, которым предводительствовали воеводы Щеня и Захарьин.³² Согласно разрядам, в двух ратях — князя Д. В. Щени и Якова Захарыча — было в общей сложности 19 воевод (в том числе 17 государевых и двое воевод удельных князей).³³

Теперь обратимся к оценкам численности русской армии в период Смоленских походов. В первом из них, зимой 1512/13 г., войско Василия III насчитывало, согласно Ваповскому, 60 тыс. чел.³⁴ В разряде этого похода перечислены 16 воевод, трое удельных князей (в том числе Юрий Дмитровский и Федор Волоцкий — «с своими людьми»), служилый князь (Василий Стародубский) и

один татарский царевич (Петр Обреимович)³⁵ — итого 21 чел. командного состава (не считая самого великого князя, лично возглавлявшего поход).³⁶

Во время следующей осады Смоленска летом — осенью 1513 г. войско Василия III, по оценке некоего немецкого наблюдателя, достигало якобы 80 тыс. чел.³⁷ Ту же цифру называет и Б. Ваповский.³⁸ По мнению А. А. Зимина, эти сведения преувеличены.³⁹ Действительно, в приведенной цифре можно усомниться, поскольку в разрядной росписи похода к Смоленску (август 1513 г.) значатся лишь 12 «больших воевод»;⁴⁰ одновременно значительные силы были сосредоточены в других местах: 6 воевод стояли на Угре, 10 — в Туле, 7 воевод (а затем еще 5) были посланы к Полоцку; наконец, часть войск оставалась в Москве.⁴¹

Правдоподобнее выглядят оценки численности русского войска, осаждавшего летом и осенью того же 1513 г. Полоцк: по польским сведениям, оно насчитывало 20 тыс. чел.,⁴² а вышеупомянутый немецкий наблюдатель пишет о 24 тыс. «московитов», стоявших под Полоцком.⁴³ Согласно разрядам, в объединенной рати, осаждавшей этот город, было 8 воевод.⁴⁴

Летом 1514 г. после взятия Смоленска Василий III, по словам Й. Деция, отправил 80-тысячную армию опустошать Литву; вскоре это войско, согласно тому же хронисту, было наголову разбито в Оршинской битве.⁴⁵ Впервые цифра «80 тыс.» применительно к численности русского воинства в этом знаменитом сражении встречается в посланиях короля Сигизмунда краковскому епископу Яну Конарскому и папе Льву X, написанных 13 и 18 сентября 1514 г., сразу после победы.⁴⁶ Эту цифру повторили все польские хронисты, а также С. Герберштейн и другие европейские авторы.⁴⁷ Однако исследователи считают ее сильно завышенной.⁴⁸ Сколько же воевод участвовало в том неудачном бою 8 сентября 1514 г.? На этот вопрос не так просто ответить: в «Государевом разряде» росписи воевод в битве под Оршей нет, зато в Пространной редакции помещены два — совершенно разных — разряда этой битвы: под ошибочной датой «7002» г.⁴⁹ и затем под 7022 г. Хотя второй разряд хронологически ближе к действительности (точной датой было бы «7023, сентябрь»), он явно дефектен: там перечислено всего 6 воевод, причем отсутствует имя И. А. Челяднина, одного из предводителей русского войска в Оршанском сражении.⁵⁰ Поэтому следует предпочесть разряд, по ошибке помещенный под 7002 г.: там фигурируют 12 воевод (не считая 5 «воевод с людьми», т. е. голов, командовавших детьми боярскими) во главе с князем М. И. Булгаковым и И. А. Челядниминым.⁵¹

Далее, мы располагаем цифровыми данными о походе русских войск в Литву летом 1519 г.: по польским источникам, эти войска на виленском направлении насчитывали 50 тыс. чел.⁵² Из разрядов выясняется, что в этом походе участвовали две рати во главе, соответственно, с князем В. В. Шуйским и князем М. В. Горбатым: всего 20 воевод и два татарских мурзы.⁵³

В 1520-х гг. на западном рубеже установилось временное затишье, однако порой в пограничных литовских городах возникала тревога. Так, летом 1528 г. прошел слух, будто «до Витебска идет Кислица (князь М. В. Горбатый Кислый. — М. К.), а с ним сорок тысяч людей, а дел (пушек. — М. К.) сорок, а мают Витебска достовать...».⁵⁴ Обращение к разрядам показывает, что слух этот не был беспочвенным: именно июлем 1528 г. датируется «прос-

пись от литовские украинцы»; там перечислены 13 воевод, включая вышеупомянутого князя М. В. Горбатого-Кислицу, а также «царь» Шигалей и еще 4 «царевича» и мурзы.⁵⁵ Таким образом, вероятно, к этому воинству и относилась приведенная выше оценка в 40 тыс. чел.

Во всех походах, о которых шла речь выше, была задействована лишь часть вооруженных сил Русского государства. Между тем нас прежде всего интересует численность всего русского войска в первой половине XVI в. В этой связи заслуживают внимания данные о походе в Литву зимой 1535 г., в котором, как можно полагать, приняли участие все или почти все наличные силы. Наступление велось тремя корпусами: московская рать во главе с князем М. В. Горбатым (10 воевод, а также «царевич» и мурза с городецкими татарами) шла из Можайска; князь Б. И. Горбатый вел псковско-новгородскую рать (10 воевод); наконец, из Стародуба вышла в поход северская рать во главе с князем Ф. В. Овчиной Телепневым Оболенским (4 воеводы).⁵⁶

Мы располагаем ценным источником: показаниями участника этого зимнего похода — луцкого помещика Василия Хрушова, попавшего впоследствии в плен к литовцам. На допросе в Вильне его спросили о численности всего московского и новгородского войска. На это В. И. Хрушов ответил: «войско московское велико — нам, молодым людям, ведати о нем нельзе; которое войско новгородское и псковское — то ведаем, колько его есть: потом, яко войско московское было зиме в земли литовской, в тот час того войска новгородского и псковского было с князем Борисом Горбатым пятьдесят тысяч, а которое войско великое московское было... того деи есми не видал, бо есми в том войску не был: был есми при князи Борисе в том войску новгородском».⁵⁷

Итак, очевидец и непосредственный участник событий утверждал, что псковско-новгородская рать насчитывала 50 тыс. чел. Мы можем проверить его показания, обратившись к независимому свидетельству: в письме от 3 марта 1535 г. находившийся тогда в Вильне королевский секретарь Н. Нипшиц упоминает об ущербе, причиненном «москвитами, которые, численностью до 40 тысяч, вторглись в Литву близ ливонской границы...».⁵⁸ Место вторжения («близ ливонской границы») указывает на то, что речь в процитированном сообщении идет именно о псковско-новгородской рати в зимнем походе 1535 г. Если этот корпус насчитывал 40—50 тыс. чел., то московская рать, в которой было столько же воевод (10), сколько в рати князя Б. И. Горбатого, да еще «царевич» с городецкими татарами, — должна была быть никак не меньше. Не забудем также про небольшой отряд северских воевод. В целом все московское воинство вполне могло насчитывать 110—120 тыс. чел.⁵⁹ Поэтому фраза псковского летописца, сказанная по поводу этого похода: «а мноу всех 150 000 силы», представляется не столь уж большим преувеличением.⁶⁰

В дальнейшем в течение двадцати лет, вплоть до Ливонской войны, на западных рубежах России поддерживалось перемирие, а следовательно, оценка численности русских войск иностранными наблюдателями (применительно к конкретным кампаниям) мы за этот период не имеем. Что же касается южного и восточного направлений военной политики Москвы, т. е. борьбы с крымцами и казанцами, то за всю первую половину XVI в. лишь применительно к двум подобным кампаниям мы располагаем цифровыми данными о численности русского войска, да и эти данные вызывают большие сомнения.

Весной 1506 г. Василий III послал к Казани судовую рать во главе со своим братом князем Дмитрием Жилкой. Автор «Казанской истории», литературного памятника 1560-х гг., утверждает, что войско князя Дмитрия насчитывало 100 тыс. чел.⁶¹ Однако польский король Сигизмунд со слов казанских послов писал, что эта рать составляла 50 тыс.⁶² Впрочем, возможно, здесь нет противоречия, поскольку автор «Казанской истории» приписывает Дмитрию Жилке командование и судовой, и конной ратями («с ним многия князи и воеводы... полем на конех и в лодиях»⁶³), хотя в действительности конную рать вел князь А. В. Ростовский. В таком случае цифра «100 000» может относиться к обеим ратям вместе; между тем сам казанский хан Мухаммед-Эмин оценивал конную рать в 60 тыс., а судовую рать Дмитрия Жилки — в 50 тыс.,⁶⁴ что в сумме дает по существу ту же цифру. Однако А. А. Зимин все вышеприведенные показания источников считает «очень преувеличенными».⁶⁵ Судя по разрядам, в этом походе было задействовано 34 воеводы (едва ли не все наличные силы!), в том числе 17 воевод — в рати Д. И. Жилки, 11 — в рати князя А. В. Ростовского; еще 6 воевод стояли на переправах.⁶⁶

Наконец, имеются данные (вероятно, преувеличенные) о численности армии в походе на Казань в 1524 г.: «Казанская история» сообщает о 150 тыс., а С. Герберштейн пишет даже о 180-тысячном войске.⁶⁷ По разрядам, в походе (номинально возглавленном «царем» Шигалеем) участвовало две рати — судовая во главе с князем И. Ф. Бельским (16 воевод, в том числе 5 — «с нарядом») и конная во главе с И. В. Хабаром (10 воевод).⁶⁸ И уж совсем фантастичны цифры, приводимые автором «Казанской истории» в рассказе о взятии Казани в 1552 г.: 300 000 «ратоборцев», да еще «в лодиях рати 100 000», да «иноязычныя силы татарския... 60 000» и т. д.⁶⁹

Всего удалось выявить в источниках и сопоставить с разрядами данные о численности войск в 14 походах, относящихся к 1500—1535 гг. Для удобства анализа весь собранный материал сведен в таблицу.

Данные о численности войска и командного состава (1500—1535)

№ п/п	Дата и направление похода, место битвы	Численность войска по оценке наблюдателей*	Численность командного состава по разрядам**	Среднее количество воинов на одного воеводу
1	Июль 1500 г. Битва на Ведроши	а) 40 тыс. б) 50 тыс.	15 чел.	а) 2.6 тыс. б) 3.3 тыс.
2	Август 1501 г. Битва на Серце	30—40 тыс.	14 чел.	2.1—2.8 тыс.
3	Осень 1501 г. Поход в Ливонию	90 тыс.	15 чел.	6 тыс.
4	Сентябрь 1502 г. Битва на оз. Смолин	а) 18 тыс. б) 90 тыс.	12 чел.	а) 1.5 тыс. б) 7.5 тыс.
5	Весна 1506 г. Поход на Казань: судовая рать все войско	50 тыс. 100 тыс.	17 чел. 34 чел.	2.9 тыс. 2.9 тыс.

Окончание табл.

№ п/п	Дата и направление похода, место битвы	Численность войска по оценке наблюдателей*	Численность командного состава по разрядам**	Среднее количество воинов на одного воеводу
6	Весна 1508 г. Поход в Литву	а) 50 тыс. б) 60 тыс.	19 чел.	а) 2,6 тыс. б) 3,1 тыс.
7	Зима 1512/13 г. Поход к Смоленску	60 тыс.	21 чел.	2,85 тыс.
8	Лето 1513 г. К Смоленску	80 тыс.	12 чел.	6,66 тыс.
9	Лето—осень 1513 г. Поход к Полоцку	а) 20 тыс. б) 24 тыс.	8 чел.	а) 2,5 тыс. б) 3 тыс.
10	Сентябрь 1514 г. Битва под Оршей	80 тыс.	12 чел.	6,66 тыс.
11	Лето 1519 г. Поход к Вильне	50 тыс.	22 чел.	2,27 тыс.
12	Лето 1524 г. Поход на Казань	а) 150 тыс. б) 180 тыс.	26 чел.	а) 5,76 тыс. б) 6,9 тыс.
13	Июль 1528 г. Разряд «от литовской украинь»	40 тыс.	18 чел.	2,2 тыс.
14	Зима 1535 г. Поход в Литву; псковско-новгородская рать Все войско	а) 40 тыс. б) 50 тыс. 150 тыс.	10 чел. 26 чел.	а) 4 тыс. б) 5 тыс. 5,76 тыс.

* Под буквами «а» и «б» приведены различные (альтернативные) оценки, относящиеся к одному и тому же походу. Источники (по строкам): 1. а) ПСРЛ. Т. 32. С. 167; б) АТ. Т. VII. Р. 261. 2. Schoppe hysthorie. S. 145. 3. Ibid. S. 148. 4. а) LUB. II. Abt. Bd. 2. S. 279; б) *Россов.* С. 300. 5. АЗР. Т. 2. С. 14 (судовая рать); КИ. С. 62 (все войско). 6. а) АТ. Т. I. Р. 22; б) *Decius.* Р. LXV; *Wapowski.* Р. 77. 7. *Wapowski.* Р. 110. 8. Ibid. Р. 115; *Рябинин.* С. 5. 9. а) АТ. Т. II. Р. 261; б) *Рябинин.* С. 5. 10. АТ. Т. III. Р. 181, 183; *Wapowski.* Р. 118; *Герберштейн.* С. 70. 11. АТ. Т. V. Р. 78—79; *Wapowski.* Р. 162—163. 12. а) КИ. С. 67; б) *Герберштейн.* С. 179. 13. РНБ. ОР. Собр. автографов. Д. 125. Л. 7. 14. Псковско-новгородская рать: а) АТ. Т. XVII. Р. 197; б) РНБ. Ф. 293. Д. 57. Л. 1. Все войско: ПЛ. Вып. 2. С. 228.

** Помимо воевод в рубрике учтены удельные и служилые князья, а также татарские мурзы и «царевичи». Источники (по строкам): 1. РК 1598. С. 30; РК 1605. С. 61. 2. РК 1605. С. 67—68. 3. Там же. С. 74. 4. РК 1598. С. 33; РК 1605. С. 70—71. 5. РК 1605. С. 88—90. 6. РК 1598. С. 39—40; РК 1605. С. 100—101. 7. РК 1598. С. 49; РК 1605. С. 126—127. 8. РК 1598. С. 52; РК 1605. С. 135. 9. РК 1598. С. 53; РК 1605. С. 136. 10. РК 1605. С. 142. 11. РК 1598. С. 63; РК 1605. С. 164—165. 12. РК 1598. С. 69—70. 13. РК 1598. С. 72; РК 1605. С. 205—206. 14. РК 1598. С. 85—86; РК 1605. С. 249—251.

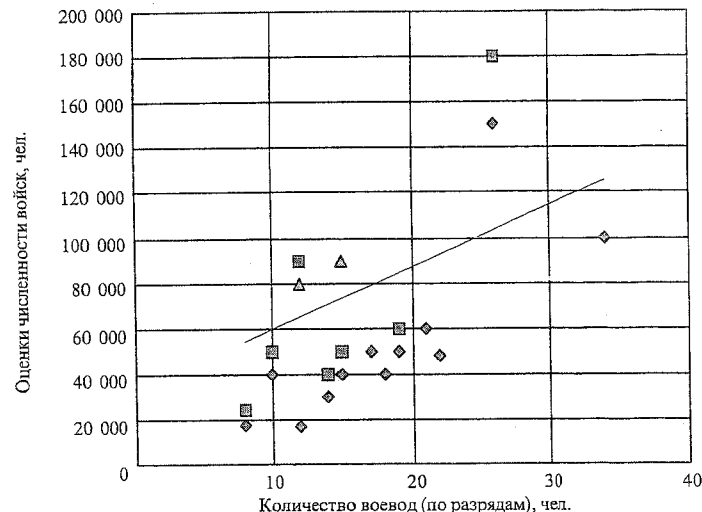
В общей сложности в таблице приведено 22 различных оценки, характеризующих численность русской полевой армии в 14 кампаниях первой трети XVI в. В сопоставлении эти данные могут «сказать» нам больше, чем взятые по отдельности.

Прежде всего, получает подтверждение высказанное выше предположение о наличии взаимосвязи между количеством воевод и численностью войска. Так, можно заметить, что в сражениях на Ведроше (1500) и на Сериге (1501), где, по разрядам, участвовало примерно одно и то же количество воевод (соответственно, 15 и 14), численность русского войска оценивается иностранными наблюдателями также примерно одинаково: в первом случае литовская Хроника Быховца сообщает о 40 тыс. «москвитов», а во втором автор немецкой

«Прекрасной истории» называет цифру в 30—40 тыс. чел. В других же кампаниях, где, согласно разрядам, было задействовано от 17 до 22 воевод, источники говорят уже обычно о 50—60-тысячном войске. Наконец, в походе 1513 г. на Полоцк, по разрядам, участвовало всего 8 воевод; соответственно, и войско оказывается весьма небольшим: 20—24 тыс., по разным оценкам.

Диаграмма

Взаимосвязь между числом воевод и оценками величины войска

Условные знаки: ромбами и квадратами обозначены, соответственно, минимальные и максимальные оценки численности войска, относящиеся к одному и тому же походу; треугольниками — оценки величины войска в другом походе, при том же количестве воевод.

Нужно учесть и особенности самих разрядов первой половины XVI в. Там помещены полковые росписи лишь крупных военных операций того времени. Причем в этих росписях перечислены, как правило, только «большие воеводы» — знатные лица, принадлежавшие к верхушке «государева двора». Младшие командиры (головы, командовавшие дворянскими сотнями), за редким исключением, в полковые росписи тогда не включались.⁷⁰ Такая качественная однородность разрядных списков указанного периода делает их сравнимыми между собой и позволяет использовать сведения о количестве воевод как своего рода шкалу, примерно отражающую численность самого войска. Взаимосвязь между количеством воевод и величиной войска (по оценкам наблюдателей) хорошо видна на приведенной выше диаграмме.

Основная масса точек на графике образует полосу, имеющую определенный наклон. Этот наклон выражает тенденцию, проявляющуюся, несмотря на все колебания значений (не забудем, что материалом нам послужили не точные статистические данные, а весьма приблизительные оценки наблюдателей): тенденцию к прямой зависимости между численностью командного состава, с одной стороны, и войска — с другой. Думается, что, будь в нашем

распоряжении точные данные о численности полевой армии того времени, указанная зависимость оказалась бы еще ближе к прямой пропорциональности. Но и того, что мы видим на графике, вполне достаточно для важного вывода: явно обнаруживаемая связь между изменением числа воевод (точно известного из разрядов) и изменением количественных оценок войска, данных современниками, свидетельствует о том, что большинство этих оценок *относительно* достоверны и более или менее соответствуют действительности. Встречаются, конечно, и явно недостоверные, сильно завышенные оценки: обратим внимание на пять точек (соответствующих семи случаям, так как дважды одинаковые значения, относящиеся к разным годам, наложились друг на друга) в верхней части графика, расположенные значительно выше основной «полосы». (Для наглядности эти точки отделены от остальных пунктирной линией — своего рода «границей правдоподобия».) Отрыв данных оценок от реальности предстает на графике со всей наглядностью. Но таких сравнительно немного: 7 из 22 проанализированных свидетельств, т. е. меньше трети.

Заманчиво было бы попытаться найти численное соотношение между количеством воевод и величиной полевой армии: тогда можно было бы по данным разрядов о командном составе войска судить о размерах последнего в том или ином походе. Однако на пути определения этого «коэффициента» перед нами встанут серьезные трудности. Во-первых, оценки современников, на которые мы опираемся, хотя в большинстве своем и соответствуют действительности, но лишь приблизительно, неточно передают численность русского войска. По таблице видно, что чаще всего разница в оценках составляла 10 тыс. (30—40 тыс., 40—50 тыс. или 50—60 тыс.), иногда уменьшаясь или увеличиваясь в зависимости от величины самого войска.⁷¹ Такую приблизительность оценок наблюдателей легко объяснить, ведь они основывались на визуальных данных, в частности пытались определить величину пространства, занятого вражеским войском. Так, датский посол Давид Кохран доносил весной 1513 г. своему королю, что армия Василия III в походе на Смоленск растянулась на 20 немецких миль в длину и столько же в ширину, так что по периметру было якобы 80 миль.⁷² Сходным образом, по внешним признакам, определяли численность приближающихся крымцев и русские станичники: «сметил с 20 000 человек», «переехал сакмы многие, тысяч з двадцать на одном перевозе» и т. д.⁷³ Поэтому и все наши расчеты носят также ориентировочный, приблизительный характер, с точностью (в лучшем случае) до 10 тыс. чел.

Во-вторых, численный состав полков и количество ратников в расчете на одного воеводу — величины переменные, они постоянно менялись. Все, что мы можем здесь сделать, — это попытаться найти некоторые достоверные пределы, в которых эти колебания происходили. Из таблицы видно, что число воинов в расчете на одного воеводу колебалось, по имеющимся данным, от 1.5 до 7.5 тыс. чел., но как раз последняя (максимальная) цифра не внушает доверия. До 30-х гг. XVI в. в абсолютном большинстве известных случаев эта расчетная величина находится в интервале от 2 до 3.5 тыс. При всей условности этого показателя (реальное число ратников, подчиненных тому или иному воеводе, было меньше⁷⁴) он все же может служить критерием при про-

верке достоверности содержащихся в источниках цифр: если соотношение количества воевод (по разрядам) и оценочной численности войска намного превышает 1:3500 (как, например, в польских известиях об Оршинской битве или в сообщении Б. Рюссона о сражении на озере Смолин в 1502 г.), значит, эта оценка явно завышена.

Сказанное относится только к первой трети XVI в. Данные, относящиеся к 1535 г., позволяют предположить, что уже в начале правления Ивана IV указанное соотношение изменилось: рассмотренные выше и вполне заслуживающие доверия свидетельства современников приводят к выводу, что во время зимнего похода в Литву 1535 г. на одного воеводу приходилось 4—5 тыс. ратников. Те же источники позволяют найти объяснение этим изменениям: уже упоминавшийся пленный помещик В. И. Хрушов поведал литовцам: «чего, деи, перед тым за князя великого Василья не бывало, абы люди владычни, монастырские сытничие и конюхи у войско ходили, — теперь тым всим у войско пойти казано»⁷⁵. Присутствие церковных людей на службе в 1535 г. засвидетельствовано показаниями и других пленных («а к тому люди владычнии и монастырскии, которых владыка с чернцы на службу выправили...»⁷⁶). Таким образом, увеличение численного состава полков можно связать с привлечением новых категорий населения на военную службу. Участники похода представляли не только разные социальные группы (помещики, монастырские слуги, служилые татары и т. д.), но и различные районы Русского государства: наряду с новгородцами, псковичами, торопчанами, лучанами, ржевичами и «людьми московских городов»⁷⁷ в источниках упоминаются «татарове косымовские, да иные многие татарове, да мордва,⁷⁸ да черемиса, да чувашене гогулене, да иные многие языки...»⁷⁹ «и вся земля Московская, государева область», — резюмирует псковский летописец, добавляя затем о возросших военных тяготах: «и бысть во Пскове того году (7043. — М. К.) побор велик, таков не бывал во Пскове».⁸⁰

Эти свидетельства о «тьмочисленной» рати, ходившей зимой 1535 г. в Литву, интересно сравнить со сведениями о Полоцком походе 1562/63 г., от которого сохранилась первая подробная разрядная роспись с цифровыми данными. Согласно этому документу, в походе 1562 г. должны были участвовать около 18 тыс. дворян и детей боярских (из-за содержащихся в источнике неточностей подсчеты исследователей варьируют от 17.6 до 18.5 тыс. чел.⁸¹), около 6 тыс. казаков и примерно столько же татар, мордвы и чувашей, а также 1165 пеших ратников.⁸² К этим цифрам нужно добавить, как уже говорилось, 12 тыс. стрельцов, не упомянутых в разряде, а также посоху. Относительно численности последней имеется следующее свидетельство псковского летописца: «посохи было пешей и коневой 80 000 и 9 сот человек, а посошаном во Пскове давали коневником по пяти рублей, а пешим по два рубля»⁸³. Сама точность сообщаемой цифры (80 900, без округления!) и указание на выдачу денег именно в Пскове говорят как будто в пользу достоверности приведенного известия Псковской летописи. Но если все же поставить под сомнение точность этого сообщения, в нашем распоряжении остается еще одно свидетельство: немецкая брошюра, написанная «по горячим следам» — в марте 1563 г. в Вильне, со слов очевидцев-участников обороны Полоцка. Анонимный автор этой брошюры сообщает, в частности, о 40 тыс. крестьян, таши-

вших орудия, и 6 тыс. «шанцекопов», строивших дороги.⁸⁴ Речь идет, конечно, о той же посохе, численность которой во всяком случае исчислялась десятками тысяч. В зависимости от того, сведениям какого источника мы отдадим предпочтение — псковской летописи или немецкого летучего листка,⁸⁵ — общая численность войска Ивана IV под Полоцком составит, соответственно, 124 тыс. или 90 тыс. чел. Однако в этих итоговых цифрах не учтена еще одна, не известная нам величина — число холопов-послужильцев, сопровождавших своих господ. П. П. Елифанов, основываясь на данных десяти конца XVI в., считает, что «русская конница XVI в. по крайней мере наполовину состояла не из дворян, а из сопровождавших их в походе военных слуг».⁸⁶ И эта оценка отнюдь не завышена: в каширской десятне 1556 г., близкой по времени к рассматриваемому событию, на 403 детей боярских (считая и двух новиков 1558 г.) приходится 667 их военных слуг («людей»)⁸⁷. Таким образом, соотношение численности детей боярских и их послужильцев составляет в данном случае 1:1.65. Если предположить, что и в Полоцком походе 1562/63 г. это соотношение было примерно таким же (т. е. между 1:1 и 1:1.5), то численность дворянской конницы должна была составлять 36—45 тыс. (что вполне правдоподобно), а всей армии в целом — не менее 110—120 тыс. Заметим, что на долю собственно дворян и детей боярских приходилась лишь 1/6 от этого числа, зато доля посохи приближалась к половине.

Показательно, что расчет численности войска в Полоцком походе 1562/63 г., имеющий более солидную источниковую базу, дает цифры, близкие к тем, что были получены нами ранее применительно к зимнему походу 1535 г. в Литву. В 1535 г. в походе участвовало 26 воевод, в 1562/63 г. — 23,⁸⁸ в обоих случаях неприятелю пришлось иметь дело более чем со 100-тысячным русским войском. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, если учесть, что между кампаниями 1535 и 1562 гг. прошел период военных реформ 50-х гг. Можно констатировать, с учетом всего вышесказанного, что реформы не привели к сколько-нибудь заметному росту численности армии; скорее, они свелись к упорядочению службы, реорганизации вооруженных сил (в частности, появились новые рода войск — стрельцы, казаки — правда, на первых порах немногочисленные).

На основе приведенной выше таблицы возможно еще одно наблюдение: количество полковых воевод, задействованных в крупных экспедициях, в течение первой и второй третей XVI в. постоянно сокращалось: в походе на Казань в 1506 г. при сотысячном войске (поделенном на две рати) находилось 34 воеводы; в 1535 г. примерно такими же силами командовали 26 воевод, а в 1562 г. — еще большей, как можно предполагать, армией — всего 23 «больших воеводы». Соответственно, росло число ратников в расчете на одного воеводу: в первой трети XVI в. эта величина не превышала 3,5 тыс., а во второй составляла 4—5 тыс.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего следует подчеркнуть, что гиперкритицизм ряда исследователей по отношению к содержащимся в нарративных источниках оценкам численности русского войска XVI в. едва ли оправдан. Конечно, среди подобных оценок встречаются и баснословные, явно завышенные цифры, но таких сравнительно немного, и они вполне поддаются критической проверке: одна из возможных методик определения достовер-

ности этих оценок, с использованием разрядных списков полковых воевод, предложена в данной работе. Кроме того, еще одним признаком недостоверности приводимых в источниках цифровых данных может служить заинтересованность автора в их искажении: обычно завышенные оценки преследуют какую-то идеологическую цель. Так, преувеличение численности русских войск, вторгшихся в конце 1501 г. в Ливонию, служит немецкому хронисту неким прикрытием того факта, что орденские власти не сумели организовать надлежащего отпора противнику.⁸⁹ А настойчиво повторяемая в польских источниках цифра «80 000» — разбитых под Оршей «москвитов» — призвана была подчеркнуть доблесть победителей и явилась одним из элементов развернутой при ягеллонском дворе шумной пропагандистской кампании.⁹⁰ От этих намеренных искажений следует отличать неизбежные погрешности визуальных оценок наблюдателей, в среднем не превышавшие 10 тыс.

Как показало проведенное исследование, численность войска в первой трети XVI в. в походах на западном направлении составляла обычно 40—60 тыс. чел. Однако это не были все вооруженные силы государства: по разрядам видно, что даже в разгар войны с Литвой (в частности, во время смоленских походов 1512—1514 гг.) оставались воеводы для прикрытия южных рубежей;⁹¹ очевидно, это были те самые ежегодные караулы по берегу Оки численностью в 20 тыс. чел., о которых писал С. Герберштейн.⁹² Таким образом, в поле одновременно могло находиться до 80 тыс. чел. Но и 100-тысячное русское войско не было плодом воображения современников: время от времени предпринимались широкомасштабные военные акции, в которых участвовали почти все наличные силы, объединенные в два—три корпуса при 25—30 воеводах, с привлечением большого числа вспомогательных войск, включая посоху. С большой долей вероятности можно утверждать, что в казанской неудачной экспедиции 1506 г. участвовало 100-тысячное войско, а в зимнем походе 1535 г. в Литву было задействовано до 120 тыс. чел. Вполне возможно, что в августе 1541 г. в отражении набега Сахиб-Гирея участвовало порядка 100 тыс. воинов: разряды перечисляют 23 воевод, стоявших тогда по берегу Оки,⁹³ т. е. столько же, сколько было при осаде Полоцка в 1562 г., и лишь чуть меньше, чем в походе в Литву зимой 1535 г. В поддержку этого предположения можно высказать еще один довод: по оценкам станичников, сообщенным в Москву, с ханом летом 1541 г. шло огромное войско — «тысечь со сто и боле».⁹⁴ Летописный рассказ не оставляет сомнений в том, что правительство со всей серьезностью отнеслось к этой угрозе; к опасному рубежу были направлены полки во главе со старшим боярином Думы князем Д. Ф. Бельским. Меры оказались адекватными: хан так и не смог «перелезть» Оку, набег был успешно отражен.⁹⁵ Для создания надежного заслона вдоль берега реки потребовались, надо полагать, очень значительные силы, сопоставимые по численности со 100-тысячным татарским войском.⁹⁶

Итак, русское войско численностью в 100 тыс. чел. и более — это реальное, хотя и не частое явление в первой половине XVI в. В этой связи, когда Паоло Джовио (Павел Иовий) пишет в 1525 г. со слов русского посла Дм. Герасимова, побывавшего в Риме, что «Василий (III. — М. К.) может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы»,⁹⁷ а псковский летописец оценивает численность русской рати в походе в Литву зимой 1535 г. в 150 тыс., то

эти оценки можно рассматривать как указание предела мобилизационных возможностей Московского государства той эпохи. В реальности, однако, едва ли этот предел был хотя бы однажды достигнут за первую половину XVI столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. С. 3—13.
- ² Коротков И. А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952. С. 26; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 33, 94; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 444—448.
- ³ Р. Хелли оценивает численность армии Ивана IV в 1560-х гг. в 70 тыс. чел., а для конца XVI в. принимает цифру Середонина — 110 тыс. (Helie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago; L., 1971. P. 164, 267). Дж. Кип полагает, что 110 тыс. — это численность «активной», т. е. боевой, части войска в конце XVI в.; оценка же А. А. Зимина (150 тыс.) может быть справедлива, если принять в расчет и численность вспомогательных сил, не участвовавших в бою (Keep J. Soldiers of the Tsar. Oxford, 1985. P. 87—88).
- ⁴ Разин Е. А. История военного искусства. Т. II. М., 1957. С. 330, 343.
- ⁵ Каптанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского. Тез. докл. и сообщ. М., 1991. С. 113—114.
- ⁶ Kaštanov S. M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Rußlands im 16. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd. 43 (1995). H. 3. S. 338—339.
- ⁷ Поэтому те исследователи, которые склонны минимизировать размеры русского войска в XVI в., столь же невысоко оценивают и численность населения страны: так, Е. А. Разин (История... Т. II. С. 272) исходил из цифры в 1,4 млн. чел.; С. М. Каптанов в докладе 1991 г. говорил о 2—3 млн. жителей, а в последующей статье дал более дифференцированную оценку численности населения России в XVI в.: 2—2,75 млн. чел. в начале столетия, 4—4,5 млн. — в середине века и 2,5—2,9 млн. — на рубеже XVI—XVII вв. (Каптанов С. М. К вопросу... С. 114—115; idem. Zu einigen Besonderheiten... S. 330—331).
- ⁸ Зимин А. А. Реформы... С. 445.
- ⁹ Каптанов С. М. К вопросу... С. 113.
- ¹⁰ Псковские летописи (далее — ПЛ). М., 1955. Вып. 2. С. 244.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 13. 2-я пол. СПб., 1906. С. 358.
- ¹² Каптанов С. М. К вопросу... С. 112; idem. Zu einigen Besonderheiten... S. 338—339, 341.
- ¹³ См.: Скрынников Р. Г. Россия после опричины. Л., 1975. С. 45—46, 49.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 157. Повторено М. Стрыйковским: Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi. T. II. Warszawa, 1846. S. 310.
- ¹⁵ Acta Tomiciana (далее — АТ). Т. VII. Posnaniae, 1857. P. 261.
- ¹⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 185.
- ¹⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РК 1598). С. 30; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. I. ч. I—II. М., 1977 (далее — РК 1605). С. 61.
- ¹⁸ Датировка принадлежит первому издателю памятника, Карлу Ширрену, см.: Eynne schonne hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho lyflanth myth den Rüssen unde tartaren / Hrsg. von C. Schirren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Reval, 1861. Bd VIII. S. 193—194.
- ¹⁹ Ibid. S. 145. Бальтазар Рюссов, автор более поздней «Истории Ливонии» (1-е издание вышло в 1578 г.), пишет в этой связи о «40 тысячах русских», см.: Рюссов Б. Ливонская хроника... // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II (далее — Рюссов). С. 298.
- ²⁰ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 476. Прим. 2. С. 478.
- ²¹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 223; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 190.
- ²² См.: ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 85.
- ²³ РК 1605. С. 67—68 (первоначальный разряд, под 7009 г., вторично записан под 7010 г.: Там же. С. 74—75). См. также: Зимин А. А. Текстология Пространной редакции Разрядных книг (за 1475—1537 гг.) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 155, 167.
- ²⁴ Eynne schonne hystorie... S. 148.
- ²⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские... С. 225—227.
- ²⁶ РК 1605. С. 74 (выше, с. 72—73, тот же разряд дан с искажениями).

- ²⁷ Рюссов. С. 300; ср.: Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch (далее — LUB). Zweite Abteilung. Bd. 2. Riga; Moskau, 1905. № 382. S. 279.
- ²⁸ РК 1598. С. 33; РК 1605. С. 70—71 (продублирован: Там же. С. 80—81, с датой: осень 7011 г.).
- ²⁹ Decius J. L. De Sigismundi regis temporibus liber. Cracovia, 1521 (далее — Decius). P. LXV.
- ³⁰ Bernardi Vapovii. De bello a Sigismundo I Rege Poloniae contra Moscos gesto // Scriptorum poloniarum. T. XV. Kraków, 1894. P. 160.
- ³¹ Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec... część ostatnia czasu podhugoszwskie obejmująca (1480—1535) / Wyd. J. Szujski. Kraków, 1874 (далее — Wapowski). S. 77.
- ³² АТ. Т. I. Posnaniae, 1852. P. 22.
- ³³ РК 1598. С. 39—40; РК 1605. С. 100—101.
- ³⁴ Wapowski. P. 110.
- ³⁵ Еще один царевич, Шиговлеяр (Шейх Аулиар), «з городецкими татары», упомянут на сборном пункте в Можайске, но почему-то не фигурирует в итоговом разряде похода к Смоленску (РК 1598. С. 49).
- ³⁶ РК 1598. С. 49; РК 1605. С. 126—127.
- ³⁷ Рябинин И. Новое известие о Литве и Московитах // ЧОИДР. 1906. Кн. III. Смесь. С. 5 (перевод Рябинина).
- ³⁸ Wapowski. P. 115.
- ³⁹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 155.
- ⁴⁰ РК 1598. С. 52; РК 1605. С. 135.
- ⁴¹ РК 1598. С. 50—53.
- ⁴² АТ. Т. II. Posnaniae, 1853. P. 261.
- ⁴³ Рябинин И. Новое известие... С. 5.
- ⁴⁴ РК 1598. С. 53; РК 1605. С. 136.
- ⁴⁵ Decius. P. LXXXVIII, XCI.
- ⁴⁶ АТ. Т. III. Posnaniae, 1853. № CCXXXI, CCXXXII. P. 181, 183.
- ⁴⁷ Wapowski. P. 118; Bielski M. Kronika wszystkich świata. Kraków, 1564, k. 411; Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 378, 380; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 70. См. также выше сноску 44.
- ⁴⁸ Herbst S., Walicki M. Obraz bitwy pod Orszą // Rozprawy Komisji historii kultury i sztuki Towarzystwa naukowego warszawskiego. Warszawa, 1949. T. I. S. 36, przyp. 1; Зимин А. А. Россия на пороге... С. 164, 169; Герберштейн С. Записки... С. 297—298, коммент. 139 (А. Л. Хорошкевич).
- ⁴⁹ На ошибочность датировки этого разряда указал А. А. Зимин (Зимин А. А. Текстология... С. 153, 167).
- ⁵⁰ РК 1605. С. 142.
- ⁵¹ Там же. С. 39—40.
- ⁵² Wapowski. P. 162—163; АТ. Т. V. Posnaniae, 1855. P. 78—79.
- ⁵³ РК 1598. С. 63; РК 1605. С. 164—165.

- ⁵⁴ РНБ. Собр. автографов П. П. Дубровского. Оп. 2 (Польша). Ч. 3. Д. 125. Л. 7. (Документ из бывшего Радзивилловского архива; подробнее см.: Krom M. Larum witebskie 1528 r. // Przegląd Historyczny [в печати]).
- ⁵⁵ РК 1598. С. 72; РК 1605. С. 205—206.
- ⁵⁶ РК 1598. С. 85—86; РК 1605. С. 249—251.
- ⁵⁷ РНБ. ОР. Ф. 293 (Западнорусские акты). Д. 57. Л. 1.
- ⁵⁸ АТ. Т. XVII. Wrocław, etc. 1966. № 139. P. 197.
- ⁵⁹ Считая в московской и новгородской ратях, в общей сложности около 100 тыс. и в северской — 10—15 тыс. чел.
- ⁶⁰ ПЛ. Вып. 2. С. 228. Ср. в Постниковском летописце (о том же походе): «воеводы... со тмочисленными людьми» (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 25).
- ⁶¹ Казанская история (далее — КИ). М.; Л., 1954. С. 62 (под ошибочной датой «7016» г.).
- ⁶² Акты, относящиеся к истории Западной России... (далее — АЗР). Т. 2. СПб., 1848. № 15. С. 14.
- ⁶³ КИ. С. 61.
- ⁶⁴ Текст посольства казанского хана Мухамед-Эмина к великому князю литовскому Александру (1506) см.: Lietuvos Metrika. Knaga № 8. Vilnius, 1995. № 16. P. 56.
- ⁶⁵ Зимин А. А. Россия на пороге... С. 78.
- ⁶⁶ РК 1605. С. 88—90. В «Государевом разряде» часть имен воевод опущена: в росписи судовой рати князя Дмитрия Жилика значатся только 13 воевод — в большом полку не назван князь Ф. И. Палеский; совсем не упомянуты воеводы сторожевого полка и т. п. (РК 1598. С. 36—37).
- ⁶⁷ КИ. С. 67; Герберштейн С. Записки... С. 179 (ср. коммент. А. Л. Хорошкевич: Там же. С. 341, коммент. 638).
- ⁶⁸ РК 1598. С. 69—70.
- ⁶⁹ КИ. С. 124.
- ⁷⁰ Таким исключением служит упоминание в разряде Оршинской битвы 1514 г. пяти «воевод с людьми» (РК 1605. С. 39). В наши расчеты эти пять воевод, естественно, не включены.
- ⁷¹ Разница в оценках небольшого войска под Полоцком осенью 1513 г. составляет всего 4 тыс. (20 или 24 тыс. чел.), зато в оценке численности рати, ходившей в 1524 г. на Казань, автор «Казанской истории» и С. Герберштейн расходятся на 30 тыс. (соответственно, 150 тыс. и 180 тыс.).
- ⁷² Щербачев Ю. Н. Акты Копенгагенского архива. Вып. 1 // ЧОИДР. 1915. Кн. IV. С. 13.
- ⁷³ РК 1598. С. 127, 149—150.
- ⁷⁴ Согласно разряду Полоцкого похода 1562/63 г., реальное число детей боярских, подчиненных конкретному воеводе, варьировало от 300 до 1255 чел. См.: Витебская старина. Т. IV. Витебск, 1885. Ч. I. С. 34—38 (далее — ВС). Од-

нако в это число не включались стрельцы, посоха, служилые татары (последних считали отдельно).

⁷⁵ РНБ. Ф. 293. Д. 57. Л. 1 об.

⁷⁶ Там же. Д. 56. Л. 1.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 316.

⁷⁸ В Псковской летописи: «мордвичи Резаньские земли» (ПЛ. Вып. 1. С. 106).

⁷⁹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. V. С. 13.

⁸⁰ ПЛ. Вып. 1. С. 106, 107.

⁸¹ Ср.: Середонин С. М. Известия... С. 4; Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 46 (табл.); Епифанов П. П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. I. С. 368 (табл.); Каштанов С. М. К вопросу... С. 112.

⁸² ВС. Т. IV. С. 33—38. Использую подсчеты П. П. Епифанова (Епифанов П. П. Войско... С. 368, табл.).

⁸³ ПЛ. Вып. 2. С. 244.

⁸⁴ ВС. Т. IV. Ч. 1. С. 119, 120.

⁸⁵ Возможен следующий расчет: в походе 1577 г. при 56 орудиях наряда было 12 724 чел. посохи (Середонин С. М. Известия... С. 5), а в 1562 г. под Полоцком было 200 орудий (ВС. Т. IV. С. 119), для которых потребовалось бы, при том же соотношении, 45 тыс. чел. посохи, что очень близко к цифрам, сообщаемым немецким источником.

⁸⁶ Епифанов П. П. Войско... С. 342. Остроумная гипотеза С. М. Каштанова (К вопросу... С. 113) о том, что указанные в разрядах 60—70-х гг. цифры, обозначающие численность детей боярских, включают в себя и их послужилцев, является лишь предположением, не имеющим опоры в источниках. Составителей разрядных росписей интересовала прежде всего не общая численность воинства, а явка служилых людей на службу; последние же отвечали и за своих холопов-послужилцев, которых поэтому не было смысла отдель-

но фиксировать в этой военно-учетной документации. Однако в десятнях дети боярские перечислены с указанием числа выставляемых ими военных слуг: лишнее доказательство того, что никакого «объединения» хозяев и слуг при учете не происходило.

⁸⁷ Шапошников Н. В. «Heraldica». Исторический сборник. СПб., 1900. Т. I. С. 28—44.

⁸⁸ Епифанов П. П. Войско... С. 368 (табл.).

⁸⁹ См.: Казакова Н. А. Русско-ливонские... С. 225—227.

⁹⁰ См.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 127; Гралья И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Чтения памяти В. Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С. 46—50.

⁹¹ См.: РК 1598. С. 45—47, 49—50, 55 и др.

⁹² Герберштейн С. Записки... С. 113.

⁹³ РК 1598. С. 101—102.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 296.

⁹⁵ См.: Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 97—100.

⁹⁶ Никак нельзя согласиться с предположением С. М. Каштанова, будто 20 тыс. — это «максимальная величина армии на юге» (Каштанов С. М. К вопросу... С. 114); не спасает и ссылка на Герберштейна, поскольку у него говорится о 20-тысячных караулах в мирное время — когда государь «не ведет никакой войны» (Герберштейн С. Записки... С. 113). Ясно, что во время набегов крымцев в 1521 или 1541 г. никак нельзя было подобными «караулами» сдерживать натиск 100-тысячной орды!

⁹⁷ Павел Йовий. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Пер. А. И. Малеина и О. Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 288.